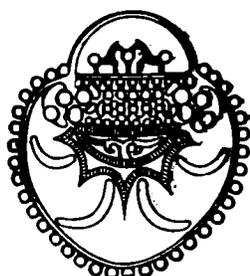

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

В. М. МАССОН

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исследования советских археологов не только по-новому раскрыли древнюю культуру Бактрии, Согда, Парфии и Хорезма III в. до н. э.— III в. н. э. с их городской цивилизацией, развитой письменностью, денежным обращением и товарным хозяйством, но и позволяют подойти к изучению генезиса всех этих явлений, начиная с первых ступеней эволюции экономики производящего типа. Сейчас совершенно ясно, что многие из этих черт восходят к поре развития классового общества в оседлых оазисах Средней Азии в период их вхождения в состав ахеменидской державы. Более того, открытие в южных областях Средней Азии крупных укрепленных центров и развитых ирригационных систем IX—VII вв. до н. э. позволяет относить сам процесс становления раннеклассового общества к еще более глубокой древности. Это находит определенное подтверждение в данных Авесты, которые свидетельствуют о существовании крупного политического объединения¹, перекликаясь в известной мере с легендами о доахеменидской Бактрии.

В ходе изучения древнейшего прошлого Средней Азии определяется также характер и направление древних культурных связей, а также место Средней Азии в исторических процессах, протекавших на территории Старого Света. При этом со всей определенностью выступают два основных культурных компонента, с которыми была связана древняя история страны: ирано-месопотамский и казахстано-сибирский. Значительное тяготение к переднеазиатскому культурному кругу определяется уже в пору палеолита. Довольно широко представленные в Средней Азии мустьерские комплексы ближе всего стоят к мустье Ирака (Хазар, Мерд, Шанидар Д) и Ирана (Бисутун) с его широким использованием отщепов для изготовления орудий. Эти переднеазиатские черты были отмечены А. П. Окладниковым еще на материалах Тешик-Таша². Именно эти связи являются ведущими и наиболее характерными для средне-

---

¹ Традиционная схема общества Авесты: домашняя община — род — племя — страна (область). В Михр Яште вместе с тем упоминается пятый элемент, стоящий после страны — даһуц. Правитель его именуется «дахьюпатом всех дахью». Наряду с ним существовал совет первейших, т. е., видимо, Совет старейшин, ограничивающий власть этого правителя (см. I. Gershevitch. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge, 1959, стр. 83, 295, 298—299). Подобным объединением владений — дахью нескольких мелких князьков могла быть и доахеменидская Бактрия.

² А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. Тешик-Таш. М., 1949, стр. 81. См. также: В. А. Р а н о в. О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии. В кн.: «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана». Душанбе, 1962, стр. 36.

азиатского мустье³. Еще в большей мере это относится к мезолиту Средней Азии, известному по прикаспийской культуре⁴ и по ряду памятников в Таджикистане⁵. Для всех них характерно широкое распространение геометрических микролитов, эволюция которых, во всяком случае в Прикаспии и Северном Ираке (Палегавра, Шанидар В, Карим-Шахир), протекала сходными путями.

Мезолитические культуры Передней Азии были той средой, в которой происходило становление хозяйства нового типа, основанного на земледелии и скотоводстве. Натуфийская культура Палестины и Сирии⁶ (IX—VIII тысячелетия до н. э.) и комплекс Карим-Шахир (IX—VIII тысячелетия до н. э.) в Северном Ираке рисуют картину постепенного роста роли собирательства дикорастущих злаков и приручения домашних животных (коза в Зеви-Чеми-Шанидар в Ираке, возможно мелкий рогатый скот в позднем Натуфе). В результате в VII—V тысячелетиях до н. э. происходит сложение ряда раннеземледельческих культур, причем, насколько можно судить по имеющимся данным, процесс их образования имел полицентрический характер в пределах ближневосточной ойкумены⁷. Выделение земледельческо-скотоводческих племен из общей массы охотников, рыболовов и собирателей было в конкретных условиях Ближнего Востока проявлением первого крупного общественного разделения труда. С их выделением увеличивается неравномерность исторического развития, и теперь мы наблюдаем в Азии две зоны — зону оседлых общин с производящей экономикой и быстро развивающейся культурой и обширную зону неолитических племен, не вышедших за рамки присвояющего хозяйства. Существование и взаимоконтакты этих двух зон определяли во многом специфику исторического процесса этого периода (рис. 1).

Граница между двумя этими зонами проходила по территории Средней Азии. На юго-западе здесь складывается раннеземледельческая джейтунская культура, являющаяся одним из конкретных проявлений того процесса перехода к новым формам хозяйства, который охватил почти весь Ближний Восток. Появлению древнейшей оседлоземледельческой культуры в предгорьях Копет-Дага способствовал ряд факторов: наличие в Копет-Даге большого числа разновидностей дикорастущих злаков и исходных форм домашних животных, благоприятные экологические условия для примитивных форм поливного земледелия, тесные контакты с высокоразвитыми для своего времени культурами Ирака и Ирана⁸. Есть основания считать, что еще в пору мезолита на юго-западе Средней Азии складываются соответствующие предпосылки (сообщение К. Куна об одомашнивании козы в Гари-Камарбанде в VII тысячелетии до н. э.).

Носителям джейтунской культуры уже была известна глинобитная архитектура и плоскодонная керамика, они возделывали пшеницу и ячмень, разводили домашних коз, хотя основной процент мясной пищи еще доставляла охота. На базе джейтунской культуры происходит постепенная эволюция оседлоземледельческих общин юго-запада Средней

³ В зоне контакта с Северной Индией отмечается также известное влияние Соанского культурного круга (В. А. Р а н о в. Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXXI, 1961, стр. 28).

⁴ Памятники Балхан и Краснодарского полуострова (Джебел, Дам-Дам-Чешме, Кайлю) и пещеры Астрабада (Хоту, Гари-Камарбанд).

⁵ А. П. О к л а д н и к о в. Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958, стр. 42—58, 70.

⁶ Кремень натуфийского типа известен также в дельте Нила (Хелван), а недавно открыт на юге Малой Азии (Белдиби).

⁷ V. M a s s o n. The Neolithic Farmers of Central Asia. VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Report and Communications by Archaeologists of the USSR. Moscow, 1962.

⁸ Недавно в районе Керманшаха были открыты памятники типа североиракских комплексов Карим-Шахир и Джармо.

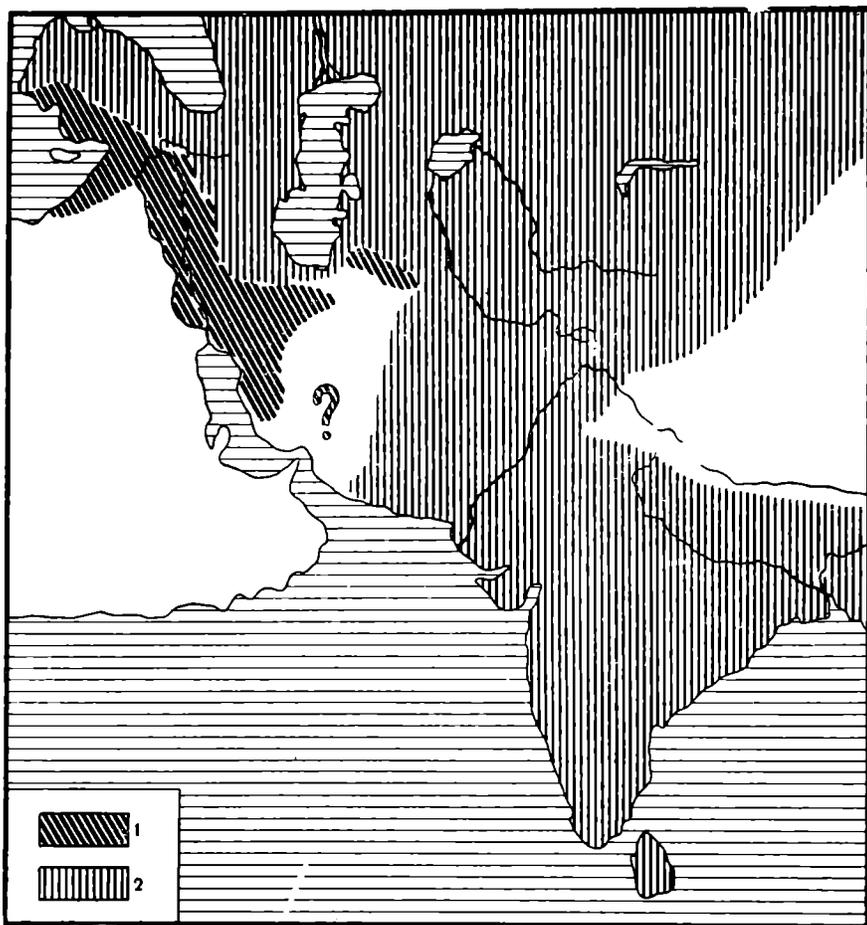

Рис. 1. Юго-Западная Азия в VII—V тысячелетиях до н. э.

1 — оседло-земледельческая культура; 2 — охотники, рыболовы, собиратели

Азии в IV—III тысячелетиях до н. э. Здесь появляются медные орудия, приручаются овцы, свиньи и крупный домашний скот, экономическое значение охоты резко падает (комплексы времени Намазга I—II). Новые формы хозяйства послужили стимулом к быстрому росту населения и общему культурному прогрессу: происходит расселение общин, а богато орнаментированная расписная керамика, мелкая терракотовая скульптура и родовые святилища со стеной росписью свидетельствуют о высоком уровне культурного развития.

Энеолитические общины юго-западной Средней Азии образовывали один из центров обширного раннеземледельческого пояса, протянувшегося от Балкан до Инда. Отличаясь рядом глубоко своеобразных черт, особенно заметно проявляющихся в формах и орнаментации посуды и в широком распространении мелкой скульптуры, эти общины вместе с тем находились в тесной связи с земледельческими племенами Ирана и, в опосредствованной форме, с культурами Месопотамии. В ходе культурно-хозяйственных контактов (о развитии в IV—III тысячелетиях до н. э. обмена свидетельствует широкое распространение в памятниках этого времени лазурита) и в результате переселений отдельных племенных групп ирано-месопотамские влияния сказываются в том или ином виде на культуре земледельцев юго-западной Средней Азии. Уже для наиболее раннего энеолитического комплекса Анау IA как будто можно отметить следы иранских воздействий со стороны комплекса Сиалк I⁹.

⁹ В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, Х. Ашхабад, 1961, стр. 68; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Там же, стр. 169.

В IV тысячелетии до н. э. на территории Ближнего Востока широко распространяются памятники типа убейдской (шумерской или протошумерской) культуры, родиной которой было южное Двуречье. Отдаленные убейдские влияния как будто отмечаются в керамике и в распространении круглых домов наиболее восточной группы анауских памятников¹⁰. Вместе с тем изображения козлов на керамике типа Намазга II и ряд геометрических мотивов находят довольно близкие параллели в расписной посуде Элама¹¹. Механизм этих влияний и контактов пока слабо изучен. Но для следующего периода — конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э. — можно вполне определенно говорить о переселении на юго-запад Средней Азии племенных групп из центрального Ирана. Пришельцы были довольно быстро ассимилированы местным населением, но их передвижение сказалось и на орнаментации расписной керамики, и на терракоте, и в ряде других областей¹². Всюду здесь появляются черты, указывающие на прямое воздействие ирано-месопотамских культур, органически сливающихся с местной основой. В этом отношении особенно интересны женские статуэтки. В их иконографии ярко проявляется влияние убейдских традиций, но сами фигурки изображены не стоящими, как в Убейде, а сидящими, как и в более ранних слоях среднеазиатских поселений. Такое обилие и разнообразие ирано-месопотамских контактов не удивительно, поскольку юго-запад Средней Азии, Иран и Месопотамия долгое время входили в одну культурно-хозяйственную зону (рис. 2). Большая же часть Средней Азии, в том числе все среднеазиатское междуречье, входила в IV—III тысячелетиях до н. э. в другую зону, тяготея к сибиро-казахстанскому культурному кругу.

В Прикаспии верхние слои джебелского прота и некоторые другие памятники характеризуют неолитическую культуру IV—III тысячелетий до н. э., вырастающую на основе прикаспийского мезолита. Ее хозяйственной основой были, как и в пору мезолита, охота и собирательство; возможно, что была известна и домашняя коза¹³.

Значительная территория Средней Азии была занята устойчивой культурной общностью, получившей наименование кельтеминарской культуры. Ее памятники, впервые открытые С. П. Толстовым в 1939 г. в Хорезме, в настоящее время известны также на Узбое, в Кызыл-Кумах и Западном Казахстане, а также в низовьях Зеравшана. Наконечники стрел кельтеминарского типа встречены также в верхних слоях Джебела, но джебельская керамика отлична от посуды Кельтеминара. Для кельтеминарской культуры характерны охота и рыболовство, кремневый микролитовидный инвентарь, круглодонная (на ранних этапах) слабо обожженная керамика и полуземлянки в качестве жилища¹⁴. Культурно-исторические связи Кельтеминара уходят на север, где кельтеминарские племена можно проследить в материалах Приуралья и Нижнего Приобья¹⁵. Так устанавливаются тесные связи с миром неолитического

¹⁰ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, 91, М., 1962.

¹¹ В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II. М.—Л., 1962, стр. 21, табл. XX.

¹² В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э. КСИА, 93, 1963; В. И. Сараниди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, 3, стр. 149—150; И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Карадепе. КСИИМК, 69, 1957.

¹³ В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. ТЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 221.

¹⁴ По убедительной реконструкции М. П. Грязнова, доложенной им на заседании Отдела Востока Гос. Эрмитажа 21 марта 1963 г.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 63—65; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953; Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла. Сб.: «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 31.

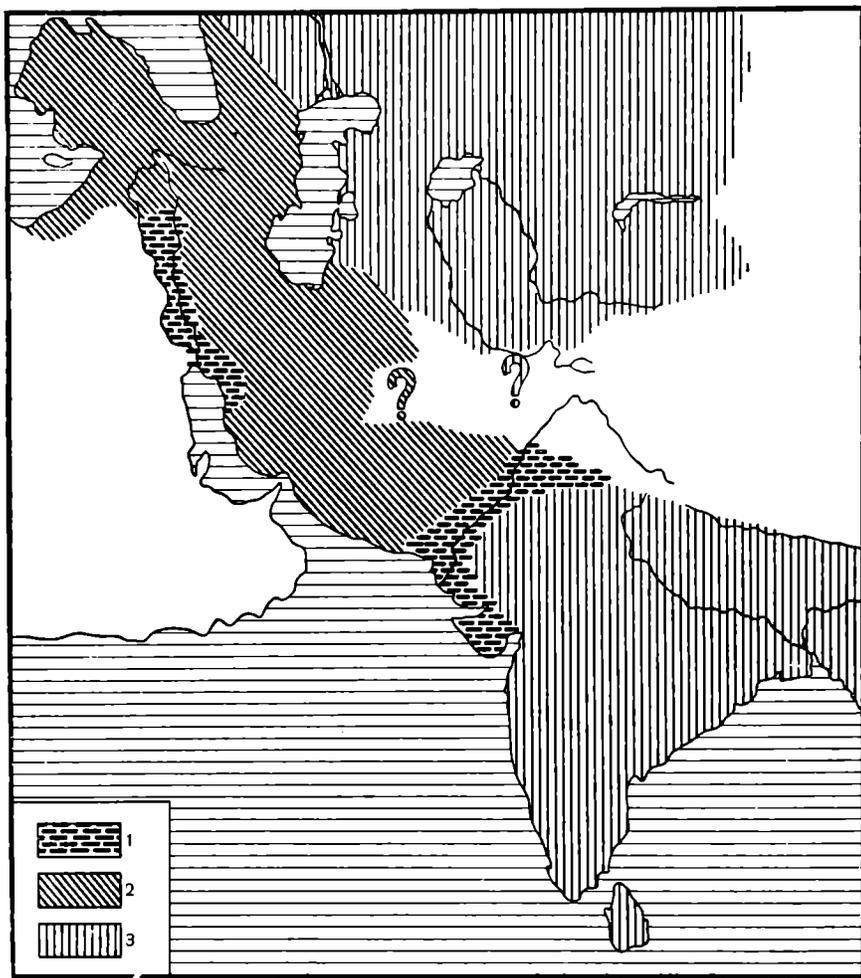

Рис. 2. Юго-Западная Азия в IV—III тысячелетиях до н. э.
 1 — городская цивилизация; 2 — оседлоземледельческая культура;
 3 — охотники, рыболовы, собиратели

тических племен охотников, рыболовов, охватывавшим большую часть Азиатского материка, южную границу которого образовывали кельтеминарцы Средней Азии.

Вместе с тем это южное положение на границе с зоной оседлых земледельческо-скотоводческих культур определяло специфику среднеазиатского кельтеминара. Жители неолитических стоянок испытывали постоянное воздействие высокоразвитой культуры своих соседей и, возможно, частично были затронуты передвижениями племен земледельческой зоны¹⁶. Резной и нацарапанный орнамент раннекельтеминарской посуды, так же как и некоторые ее формы, обнаруживают несомненное влияние расписной керамики юга¹⁷. На одной из кельтеминарских стоянок были даже найдены сосуды со сливами различных видов, находящие прямые аналогии в земледельческой культуре северо-восточного Ирана (Шах-Тепе)¹⁸. Обломки привозных сосудов шах-тепинского

¹⁶ См. гипотезу о проникновении в Хорезм в IV—III тысячелетиях до н. э. с юга антропологического типа, имеющего связи с дравидоидами (Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. МХЭ, вып. 2, М., 1959, стр. 5; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 46). К сожалению, антропологические материалы с кельтеминарских памятников пока неизвестны.

¹⁷ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, 1, стр. 34—42; В. М. Массон. Южно-Туркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, X, стр. 30 и рис. 13 на стр. 33.

¹⁸ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР, 1957 г. МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 70—71; С. П. Толстов. По древним

типа были встречены уже в Джебеле, а их появление в Хорезме ясно указывает на Узбой как на традиционный путь взаимосвязей неолитических племен Севера.

Вполне естественно считать, что именно эти южные связи и влияния в значительной степени благоприятствовали переходу северных племен к новым формам хозяйства. Уже в позднем кельтеминаре известны изделия из меди и, возможно, в зачаточных формах скотоводство. Интересно также наличие у кельтеминарцев Зеравшана кремневых вкладышей серпов, число которых по сравнению с основной массой орудий хотя и невелико, но само их появление весьма знаменательно. Имеются здесь и зернотерки¹⁹.

Может возникнуть вопрос, не является ли такое рассмотрение двух основных направлений развития культуры (иранско-месопотамского и казахстано-сибирского) искусственно ограниченным, не учитывающим наличия рядом со Средней Азией таких древних центров, как Афганистан и Индия, с одной стороны, и Китай — с другой?

Афганистан и северо-запад Индии, включая, главным образом, современный Пакистан, входили вместе с оседлыми общинами юга Средней Азии в зону земледельческо-скотоводческих племен, изготовлявших расписную керамику. Как свидетельствуют имеющиеся данные, переход к новым формам хозяйства в этих областях произошел позднее, чем в Месопотамии, Иране и на юго-западе Средней Азии. Наиболее раннее и весьма архаическое оседлоземледельческое поселение Белуджистана (Кили I) относится по данным радиоуглеродного анализа к середине IV тысячелетия до н. э. (3350 ± 200)²⁰, а большинство раннеземледельческих культур восходит к концу IV — началу III тысячелетия до н. э. Вполне вероятно, что переход к производящей экономике в Афганистане и северо-западной Индии был стимулирован расселением племен со стороны иранского плато²¹, где этот переход совершился много раньше. Так, в самом нижнем слое поселения Мундигак (конец IV тысячелетия до н. э.) в южном Афганистане мы видим вполне сложившийся энеолитический комплекс, в том числе и расписную керамику, сделанную на гончарном круге и находящую себе прямые аналогии в Сиалке²². В III тысячелетии до н. э. культурные влияния в мире земледельческих общин шли из областей северного Ирана и южной Средней Азии в сторону Афганистана и Индии²³, а отнюдь не в обратном направлении²⁴.

Как и для Средней Азии, для Индии в IV—III тысячелетиях до н. э. характерно сосуществование оседлоземледельческих общин и рыболовческо-охотничьих племен с архаическими формами культуры. Последние

дельтам..., стр. 32. Для энеолита юго-запада Средней Азии подобные сосуды, особенно с желобчатыми сливами, малохарактерны. В Шах-Тепе сосуды аналогичной формы, наоборот, весьма распространены, особенно на позднем этапе — Шах-Тепе IIa, что приблизительно соответствует второй половине III — началу II тысячелетия до н. э.

¹⁹ У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореферат, Л., 1963, стр. 13—14.

²⁰ W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. New York, 1956, стр. 356.

²¹ В. М. Массон. Рец.: W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley. СА, 1960, 3, стр. 352.

²² J. M. Casals. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961, I, стр. 118.

²³ Об иранских влияниях писали С. Пиггот, Г. Чайлд и Д. Мак Каун. Работами автора и В. И. Сариниди выявлены и среднеазиатские компоненты в северобелуджистанской культуре.

²⁴ Ж. М. Касаль ошибочно полагает, что на юге Средней Азии, начиная с конца периода Намазга II, происходит адаптация стиля Кветты. Судя по относительной и абсолютной хронологии, это время предшествует появлению в Белуджистане расписной посуды типа Кветта; отсутствует там и ведущий мотив среднеазиатской керамики — крест из ромба и четырех треугольников. Очевидно, первоначально имело место влияние со стороны Ирана на Кветту и среднеазиатские комплексы, а затем последние оказали вторичное воздействие на юг Афганистана и север Белуджистана, что признает и сам Ж. М. Касаль.

занимали большую часть материковой Индии и в настоящее время лучше всего известны по памятникам Гуджарата²⁵. Для этих памятников характерна микролитическая кремневая индустрия с широким распространением орудий геометрических форм: сегментов, трапеций и треугольников. Единичными находками представлены черепки глиняных сосудов плохого обжига, свидетельствующие о слабом распространении керамики. В свое время С. П. Толстов отметил, что кельтеминар входит в широкий круг весьма архаических культур, охватывающих и территорию Индии²⁶. Это заключение справедливо в том смысле, что кельтеминар Средней Азии, как и неолит Индии, представлен охотническо-рыболовческими племенами, примыкающими к зоне оседлых земледельцев и скотоводов. Однако вряд ли можно говорить о прямом культурном контакте кельтеминарцев Хорезма и обитателей Гуджаратских стоянок. Они были отделены друг от друга широкой зоной, занятой энеолитическими культурами расписной керамики. Наличие в западном Таджикистане гиссарской культуры, резко отличной от кельтеминара, исключает возможность косвенного контакта через Памир-Гиндукуш. Нельзя не отметить и значительное различие между кремневыми индустриями кельтеминара и материковой Индии, на что справедливо указывал еще А. В. Виноградов. В свое время много писалось о связях между расписной керамикой Анау и Яншао; высказывались и предположения о появлении культуры расписной керамики Китая в результате западных воздействий²⁷. Однако уже С. В. Киселев показал, что все западные параллели Яншао носят случайный характер²⁸. Еще больше чем с Анау по стилю росписи и формам сосудов можно провести параллелей между Яншао и Трипольем; тем не менее реальная связь между ними исключена. Следует считать, что перед нами совпадения, связанные со сходными путями развития орнаментации, а не с древними контактами. Справедливость этого положения подкрепляется тем обстоятельством, что в настоящее время довольно отчетливо вырисовываются и границы распространения раннеземледельческих культур. В Средней Азии племена, изготовлявшие в V—III тысячелетиях до н. э. расписную керамику, остановились в своем распространении у южной кромки кара-кумских песков и таким образом были отделены от основных центров Яншао областью в несколько тысяч километров, занятой в основном неолитическими рыболовами и охотниками²⁹.

Проблема происхождения культуры Яншао в настоящее время недостаточно выяснена, прежде всего в силу малой изученности памятников дояншаоского времени, однако при общем сопоставлении комплексов Яншао и раннеземледельческих культур ближневосточного круга обращает на себя внимание их весьма существенное различие. Опираясь на хронологические расчеты исторической традиции, основной комплекс Яншао можно относить к III тысячелетию до н. э.³⁰. Учитывая мощность культурных слоев в 5—6 м, можно ожидать, что Яншао в какой-то мере заходит и в IV тысячелетие до н. э. В IV—III тысячелетиях до н. э. раннеземледельческие культуры Ближнего Востока, в том числе и общины Средней Азии, широко используют медь, а с начала III тысячелетия до

²⁵ В. Subbagaо. Personality of India. Varoda, 1958, стр. 71—77.

²⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 65.

²⁷ R. J. Vraidwood. Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952, стр. 22, рис. 11, карта.

²⁸ С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4, стр. 246.

²⁹ Отдельные аналогии в расписной керамике Восточного Туркестана, приводимые С. В. Киселевым в статье «Неолит и бронзовый век Китая», относятся к концу II—началу I тысячелетия до н. э., когда в Фергане складывается чувская культура, в какой-то мере связанная с китайскими комплексами. См. об этом: В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, 4, стр. 53; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962.

³⁰ Фань-Вэнь-Лань. Древняя история Китая, М., 1958, стр. 22—38.

н. э. в Шумере и Эламе входит в погребение бронза. Между тем совершенно ясно, что на основных стадиях развития Яншао металл не был известен и перед нами еще неолитическая культура. Повсеместно в Месопотамии, Иране, Средней Азии и северо-западной Индии ранние земледельцы в IV—III тысячелетиях до н. э. строят дома из сырцового кирпича. На поселениях Яншао встречаются только каркасные хижины, круглые или прямоугольные в плане, с полом и стенами, обмазанными глиной. Эти строения ближе всего напоминают дом центральноиндийского энеолита II тысячелетия до н. э., что, возможно, объясняется характером природных условий (влажный климат, муссоны) в тропической Индии и восточном Китае. Земледельческие племена Ближнего Востока уже в VI—V тысячелетиях до н. э. возделывали ячмень и пшеницу, остававшиеся на долгие годы основной земледельческой культурой, а их первым домашним животным была коза. Жители поселков по Хуанхэ возделывали рис и чумизу, а основными домашними животными у них были собака и свинья³¹.

Все это заставляет склониться к мысли, что переход к производящему хозяйству произошел в долине Хуанхэ на местной основе, независимо от ближневосточных культурных центров и в более позднее время³². Неудивительно, что и по антропологическому типу (монголоиды, близкие современным китайцам) носители культуры Яншао резко отличны от любой группы раннеземледельческих племен Ближнего Востока и что уже в раннем Яншао появляются специфически китайские керамические формы, вроде триподов. Скорее всего возникновение в долине Хуанхэ в IV—III тысячелетии до н. э. раннеземледельческой культуры было столь же самостоятельным явлением, как и переход к производящему хозяйству в Перу в III тысячелетии до н. э. Одной из важнейших задач дальнейших исследований является изучение в восточном Китае процесса становления производящего хозяйства, корни которого, как показали новые открытия на Ближнем Востоке, восходят еще к поре мезолита. В настоящее время на средней Хуанхэ известен ряд дояншаоских памятников³³, на которых отдельные элементы обнаруживают связи с яншаоскими комплексами (наличие красной керамики, веревочный орнамент на грубой посуде, тесла из полированного камня и др.), но характеризуются, во всяком случае частично, микролитической кремневой индустрией³⁴. К сожалению, характер хозяйства этого времени пока остается неизвестным.

Таким образом, можно видеть, что раннеземледельческая культура южной Средней Азии занимает вполне определенное место в кругу сходных культур Ближнего Востока, а охотническо-рыболовецкий неолит севера этой страны тяготеет к Казахстану и Сибири. Эти же тенденции прослеживаются и в пору бронзового века.

К этому времени соотношение культурно-хозяйственных зон на древнем Востоке существенно меняется. Земледельческо-скотоводческие общины южного Двуречья и Элама в благоприятных природных условиях стремительными темпами развивают производительные силы, что приводит к коренным переменам в общественном строе и культуре (рис. 3). Появляются крупные городские центры с развитым ремеслом, монументальная архитектура и письменность. Около 3000 г. до н. э. происходит сложение раннеклассового общества. Несколько позднее — около 2400 г.

³¹ Shih Hsing-Pang. Pan-Po: Largest Neolithic Site in China Unearthed. *Rev. archéol.*, 1959. II, стр. 2—4.

³² К точке зрения о независимом характере китайского очага земледелия склоняются и многие современные археологи. См.: *Courses toward Urban Life*. Viking Fund Publication in Anthropology, No 22, New York, 1962. В свое время к такому же выводу на основании геоботанических данных пришел Н. И. Вавилов.

³³ Cheng Te-K'ip. *Archaeology in China*. I. Cambridge, 1959, стр. 68—69.

³⁴ Едва ли можно в полной мере согласиться с С. В. Киселевым, скептически относившимся к связи дояншаоских и яншаоских памятников на средней Хуанхэ (С. В. Киселев. *Неолит и бронзовый век Китая*, стр. 245—246).

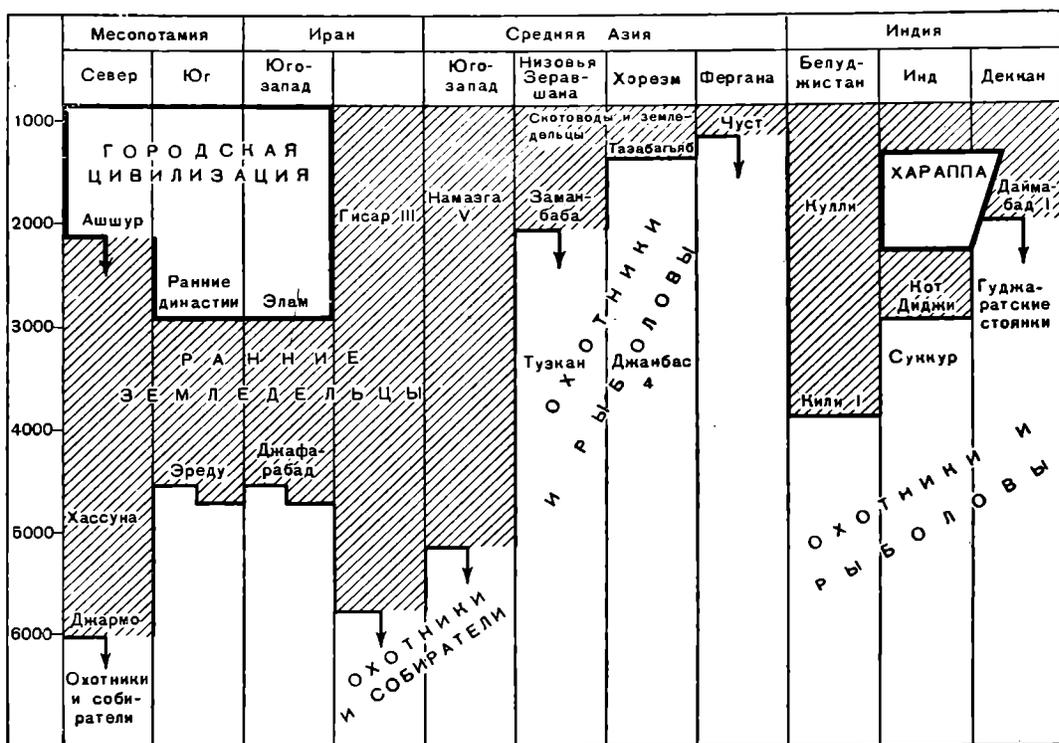

Рис. 3. Сравнение историко-культурных зон VII—II тысячелетий до н. э.

до н. э. — аналогичные изменения происходят в Синде и Пенджабе, где возникает городская цивилизация Харатпы. Так появляется зона городской культуры, к которой примыкает обширная варварская периферия земледельческо-скотоводческих племен, находившаяся в тесной взаимосвязи с этими городскими центрами. Неравномерность исторического развития резко усиливается. Интенсивное развитие Шумера, Элама и Харатпы обуславливалось в первую очередь тем обстоятельством, что здесь прибавочный продукт в земледелии был особенно велик, а сам прогресс поливного земледелия неизбежно приводил к созданию крупных ирригационных систем. Из хозяйственных документов Шумера нам известно, что обычный урожай ячменя составлял здесь сам-36, а иногда достигал и сам-104—105. На юго-западе Средней Азии, где в V—II тысячелетиях до н. э. находились поля раннеземледельческих общин, обычный урожай пшеницы местных сортов в примитивных хозяйствах XIX в., не затронутых товарной экономикой, достигал сам-7—8, а ячменя сам-4—5. В Афганистане и Индии замкнутые горные долины с относительно суровым климатом на севере представляли ограниченные возможности для развития земледелия. Наоборот, Синд и Пенджаб, где сосредоточены основные памятники харатпской культуры, до настоящего времени являются житницей Индии, где, в отличие от Белуджистана, урожай можно собирать два раза в год. Видимо, аналогичным образом происходит стремительное развитие хозяйства и общества в долине Хуанхэ. Раскопки Аньяна убедительно показывают, что здесь в XIV—XII вв. до н. э. существует уже раннеклассовое общество с монументальными постройками, богатыми царскими могилами и письменностью, известной по надписям на гадательных костях. Таким образом, положение существенно меняется по сравнению с III тысячелетием до н. э., когда земледельческие общины Яншао в ряде отношений уступали своим современникам в Иране, Афганистане и на юге Средней Азии. Правда, сравнительно позднее развитие китайского очага земледелия сказалось и на более позднем, по сравнению с древним Востоком, сложении раннеклассового общества в Китае. Китай в XVIII—XII вв. до н. э. стоял еще на стадии развития, напомина-

ющей период Джемдет-Наср (XXXII—XXIX вв. до н. э.) и Ур I династии с его знаменитыми царскими гробницами (XXVII—XXVI вв. до н. э.), что свидетельствует о закономерном повторении определенных этапов в ходе исторического развития.

Оседлоземледельческие общины юго-запада Средней Азии входят в одну зону с племенами Ирана, Афганистана и Белуджистана, располагавшимися на флангах шумеро-эламской и древнеиндийской цивилизации. Повсюду в этой зоне в III—II тысячелетиях до н. э. происходило разложение первобытнообщинного строя, как бы повторяющее в замедленном варианте процессы, имевшие место в южном Двуречье в IV тысячелетии до н. э. В Средней Азии центрами ранних земледельцев являлись в это время крупные поселения, площадью до 100 га, окруженные стенами из сырцового кирпича³⁵. Для этих поселений характерно развитие ремесла (группы керамических печей, гончарный круг, сложные изделия из меди и бронзы). В северо-восточном Иране на подобном крупном центре — Тюренг-Тепе — в XIX в. был найден клад золотых, медных и каменных изделий, известный под именем астрабадского и ярко характеризующий процесс накопления сокровищ³⁶. Раскопки сравнительно небольшого поселка Тепе-Гиссар (площадь около 1,5 га) свидетельствуют о тех же явлениях³⁷. Выделение богатых погребений указывает на довольно значительную имущественную дифференциацию. Массивный отдельно стоящий дом, давший богатые находки, в том числе предметы торевтики, вероятно, являлся жилищем богатой патриархальной семьи, правившей Гиссаром. В этом плане интересны раскопки Мундигака, представлявшего собой в IV период³⁸ поселение, обнесенное стенами, центром которого являлось монументальное здание на высоком холме. Фасад его украшен полуколоннами. Несколько в стороне от поселения располагалась другая монументальная постройка, близкая по плану месопотамским храмам. К этому слою относится и крупная каменная голова мужчины, близкая по стилю хараппской скульптуре. Скорее всего Мундигака в это время был центром кандагарского оазиса, резиденцией варварского князька на периферии древнеиндийской цивилизации.

Однако ни в Иране, ни в Афганистане, ни в Средней Азии мы не видим в это время ничего похожего на раннеклассовое общество Шумера, Элама, Хараппы или Шанского Китая. Нет, в частности, никаких признаков развития письменности; печати, найденные на Намазге-Тепе, в Тепе-Гиссаре и на Мундигаке, представляют собой относительно простые геометрические фигуры. Уровень развития обществ, оставивших эти памятники III—начала II тысячелетия до н. э., по основным признакам ближе всего позднему Убейду и Уруку южного Двуречья. Во всяком случае нет данных о сложении где-либо в этой зоне раннеклассовых отношений, хотя общественное развитие довольно близко подошло к этому этапу³⁹.

³⁵ Этот факт установлен раскопками А. Ф. Ганялина и А. А. Марущенко на Алтын-Тепе в 1959 и 1960 гг.

³⁶ C. A. de Bode. On a Recently Opened Tumulus in the Neighbourhood of Asteabad. *Archaeologia*, XXX, 1844.

³⁷ E. F. Schmidt. *Excavations at Tepe Hissar, Damgan, Philadelphia*, 1937.

³⁸ Ж. М. Касаль относит Мундигака IV ко второй и третьей четверти III тысячелетия до н. э., принимая наиболее раннюю дату Гиссара III и игнорируя результаты работ В. Ферсервиса по хронологии Белуджистана (*J. M. Casal. Ук. соч.*, I, стр. 27, 69—70, 110—119). Нам кажется более верным относить Мундигака IV к последней четверти III — началу II тысячелетия до н. э., синхронизируя его с Хараппой.

³⁹ Иная точка зрения развивается в рецензии А. В. Виноградова и М. А. Итиной на VII том Трудов ЮТАКЭ («Сов. этнография», 1959, 1, стр. 162—164), полагающих, что уже в пору Намазга V в Южном Туркменистане складывалось гончарное ремесло и существовало раннеклассовое общество. Несомненно, что зарождение ремесел свидетельствует об изменении в экономическом базисе, и лишь затем следуют перемены в общественном строе. В Шумере гончарный круг становится известен за несколько сотен лет до появления первых государств. Нет оснований также видеть в Средней Азии VIII—VII вв. до н. э. крупные централизованные рабовладельческие государства и в

Характер дальнейшей эволюции земледельческо-скотоводческой культуры юга Средней Азии также имеет много общего с историей аналогичных культур Ирана. В первой половине II тысячелетия до н. э. на юго-западе Средней Азии приходят в запустение древние центры — Намазга-Тепе и Алтын-Тепе. В культуре, представленной комплексом Намазга VI, также вполне определенно выступают черты огрубения и упадка. Почти в это же время прекращается жизнь на таких североиранских памятниках, как Тюрен-Тепе, Шах-Тепе и Тепе-Гиссар, причем на материалах Гиссара прослеживаются ожесточенные межплеменные столкновения. На юге Афганистана городок Мундигак также большей частью лежит в руинах, а в новом комплексе гончарная керамика почти полностью сменяется посудой ручной лепки (Мундигак V). Слои Мундигака VI соответствуют времени почти полного запустения и представлены не строениями, а прослойками золы. Где-то в пределах первой половины — середины II тысячелетия до н. э. происходят также перемещения племенных групп в более южных областях (проникновение комплексов Шахи-Тумп на юг Белуджистана), запустение ряда оазисов (например, сеистанского) и упадок городской цивилизации в Синде и Пенджабе. Скорее всего в это время имело место перемещение ряда племенных групп и, возможно, ряд других событий. Б. Б. Пиотровский предлагает связывать запустение древних земледельческих комплексов южной Туркмении с усилением роли скотоводства⁴⁰. Действительно, во II тысячелетии до н. э. наблюдается усиление роли скотоводческих племен в земледельческих областях и, возможно, переход некоторых земледельцев к преимущественному занятию скотоводством (Закавказье, Украина). К сожалению, на среднеазиатских материалах это явление пока не может быть документально прослежено, но подобная гипотеза много объяснила бы в процессах, происходивших в областях «культур расписной керамики» от прикопетдагских оазисов до низовьев Инда.

На севере Средней Азии в эпоху бронзы происходят решающие изменения в хозяйстве, приведшие к установлению производящей экономики, в чем известную роль сыграли воздействия, идущие со стороны земледельческого юго-запада страны. При этом основное направление казахстано-сибирских культурных связей прослеживается здесь столь же отчетливо, как и в IV—III тысячелетиях до н. э. Переход к новой экономике замечен на материалах из низовий Зеравшана, где еще кельтеминарские рыболовы и охотники начали изготавливать и использовать зернотерки и серпы с кремневыми вкладышами. В конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. мы застаем здесь уже вполне сложившуюся земледельческо-скотоводческую (или скотоводческо-земледельческую) культуру Заман-бабы. При этом четко прослеживаются культурные влияния (вплоть до привозных вещей) юго-западных земледельческих общин и какие-то местные, видимо, кельтеминарские традиции⁴¹. Заман-бабинскую культуру ни в коей мере нельзя считать продуктом колонизации намазгинских племен. Это, в первую очередь, новый этап в истории местных племен, хотя и сильно окрашенный южными влияниями⁴². В этом отношении особенно показателен такой признак, как катакомбные захоронения, совершенно неизвестные в «культурах расписной керамики» и вызывающие в памяти аналогии в материалах степной бронзы.

силу этого относить становление классового общества ко II тысячелетию до н. э. Данные Авесты и археологические материалы позволяют скорее считать, что здесь и в VIII—VII вв. до н. э. процесс становления классового общества и государства не был еще закончен.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. Истор.-филол. ж., 1961, 3—4, стр. 111—113.

⁴¹ А. Аскаров. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962, стр. 18.

⁴² См. Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур. СА, 1958, 3.

Какие-то южные влияния отмечаются почти в то же время и в Хорезме. Мы имеем в виду так называемые раннесуярганские комплексы, где появляются крупные красноангобированные сосуды с шаровидным туловом и невысокой горловиной. Южные прототипы этой формы несомненны⁴³. Правда, в своей основе эти весьма архаические по облику комплексы с грубой лепной посудой, с крупными кремневыми ножами и дротиками представляют скорее всего какую-то северную культуру и имеют мало общего с развитой оседлой культурой Южной Туркмении или северного Ирана начала II тысячелетия до н. э.⁴⁴

Во всяком случае, как отмечали еще С. П. Толстов и А. В. Виноградов, уже в позднем кельтеминаре можно наблюдать зарождение скотоводства и начало металлургии, хотя в Хорезме в это время еще не складывается культура, полностью перешедшая к новым формам хозяйства, как это имеет место в Заман-бабе. Эти кардинальные хозяйственные изменения широко охватывают южную часть бывшей зоны охотников-рыболовов, как можно видеть в Сибири на примере афанасьевской культуры. Резкое культурно-хозяйственное различие двух зон начинает скрадываться и постепенно принимать новые формы. Это особенно ярко выступает при рассмотрении среднеазиатских комплексов андроновского типа⁴⁵.

Эти комплексы широко распространены на территории Средней Азии от Ферганы и Хорезма до земледельческих оазисов юго-запада. Лепная керамика и сравнительно недолговременные поселения, состоящие из землянок, существенно отличают зону, занятую памятниками андроновского типа, от зоны оседлоземледельческой культуры в южном Турмениистане. Вместе с тем эти различия носят уже иной характер по сравнению с IV—III тысячелетиями до н. э. Обе зоны были областями развития производящего хозяйства, но специфика этого хозяйства, судя по всему, была различной. Можно считать, что на севере преобладало хозяйство скотоводческо-земледельческого типа, не связанного с прочной оседлостью, как это имело место в условиях ирригационного земледелия, когда поселения столетиями оставались на одном и том же месте. В последнее время получены данные, свидетельствующие, что хозяйство андроновских племен в условиях степей и полупустынь развивалось в первую очередь как скотоводческое⁴⁶. Вполне вероятно, что аналогичное явление имело место и в соответствующих ландшафтных зонах Средней Азии. Вместе с тем в ряде областей, как, например, в Хорезме, уже в это время намечается развитие поливного земледелия, что имело принципиальное значение для дальнейшей эволюции хозяйства и культуры.

Происхождение среднеазиатских памятников андроновского типа остается не вполне ясным. Высказывалось мнение о развитии в Средней Азии андроновской культуры на местной основе⁴⁷, на базе позднекельтеминарских комплексов⁴⁸ или даже гиссарской культуры, характерной для горных районов западного Таджикистана⁴⁹. Однако андроновская

⁴³ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, I, стр. 16—19.

⁴⁴ Не следует ли связывать раннесуярганские комплексы с поздним кельтеминаром, особенно судя по находкам крупных кварцитовых и кремневых дротиков и ножей, характерных для позднекельтеминарских памятников Западного Казахстана?

⁴⁵ Здесь существует значительный терминологический разнобой. Нам представляется наиболее удачным предложение А. Аскарова именовать среднеазиатские памятники тазабагыбским вариантом андроновской культуры. См.: А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана. История материальной культуры Узбекистана, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 39—40.

⁴⁶ В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИА АН СССР, 91. М., 1962, стр. 61.

⁴⁷ Б. А. Латынин. О южных границах..., стр. 53.

⁴⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 76. Следует отметить, что после получения новых материалов С. П. Толстов стал решительным сторонником пришлового характера андроновских комплексов.

⁴⁹ Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VII. Душанбе, 1961, стр. 43.

культура как сумма конкретных этнографических особенностей пока не может быть выделена ни из заман-бабинской, ни из позднекельтеминарской, ни тем более из гиссарской культур. Более того, совпадение этих особенностей с памятниками Казахстана и Сибири, где к тому же, в отличие от Средней Азии, известны ранние этапы развития андроновской культуры, позволяет говорить о продвижении андроновских племен в Среднюю Азию, как это полагает большинство исследователей⁵⁰. Вполне естественно, что при этом было ассимилировано местное население, чем и следует объяснять некоторые аналогии между позднекельтеминарской и андроновской керамикой в Хорезме⁵¹ или продолжение традиций местной кремневой индустрии в Западном Таджикистане⁵².

В этой связи естественно возникает вопрос о путях сложения производящего хозяйства в Казахстане и Сибири, откуда в Среднюю Азию распространились андроновские племена. Ряд исследователей, в том числе автор настоящей работы, были склонны при решении этого вопроса отводить большую роль южным влияниям, способствовавшим, в частности, распространению на север культурных злаков и одомашненных пород скота⁵³. Однако следует считать не менее вероятным возникновение скотоводства у северных неолитических племен на местной основе, что, разумеется, требует для окончательного решения тщательных палеозоологических исследований. Во всяком случае нет ничего удивительного в том, что завершение перехода ряда сибиро-казахстанских племен во II тысячелетии до н. э. от присвояющего хозяйства к производящей экономике стимулировало их расселение подобно тому, как это можно было наблюдать для земледельческих культур Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы в VI—IV тысячелетиях до н. э.

На имеющихся материалах не всегда удается проследить конкретные пути дальнейшей эволюции хозяйства и культуры на территории Средней Азии. Есть основания полагать, что комплексы андроновского типа развиваются в двух направлениях. В областях поливного земледелия, как, например, в низовьях Аму-Дарьи, на их основе складываются оседлоземледельческие оазисы, тогда как в степях и полупустынях формируются ранние кочевники, если только такими кочевниками уже не были в какой-то части и сами андроновские племена. Во всяком случае именно на основе соединения этих двух традиций — южной, связанной с ирано-месопотамским кругом, и северной, тяготеющей к Казахстану и Сибири, — формируются основные оазисы Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. При этом, что особенно характерно, их культура отнюдь не носит какого-либо эклектического характера, а отличается значительным единством и для Согды, и для Хорезма, и для Маргианы, и для Парфии. Можно полагать, что в процессе постепенной нивелировки различий севера и юга заметную роль играло усвоение ряда культурных форм, давно сложившихся на юго-западе Средней Азии с его древними оседлоземледельческими традициями. Как яркий пример южных влияний весьма интересен замечательный могильник Тагискен в восточном Приаралье, недавно открытый экспедицией С. П. Толстова и относящийся, видимо, к IX—VII вв. до н. э.⁵⁴. Здесь наряду с лепной керами-

⁵⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 112; М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5. М., 1961, стр. 73, 91; С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 59.

⁵¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 30.

⁵² Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки..., стр. 42—43.

⁵³ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 15; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 114; Б. А. Латынин. О южных границах..., стр. 53.

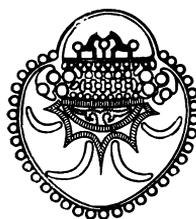
⁵⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 80—88; его же. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи. СА, 1962, 4, стр. 127—138.

кой явно выраженного сибиро-казахстанского круга имеются сделанные на круге сосуды, восходящие к комплексам типа маргианского Яз-Тепе II. Более того, сами погребальные сооружения представляют собой довольно монументальные сооружения из сырцового кирпича размером $54 \times 28 \times 10/12$ и $48 \times 32 \times 10/12$ см. Традиции сырцовой архитектуры совершенно нехарактерны для северных районов; даже в Хорезме в IX—VII вв. до н. э. поселения состояли из полуземлянок. Между тем самый формат прямоугольного кирпича представляет собой традиционные для земледельческого юга пропорции, сложившиеся еще в V тысячелетии до н. э. и доживающие до VI—V вв. до н. э. Несомненное восприятие южных влияний здесь явственно. Возможно даже какие-то южные, маргианские или парфянские мастера, захваченные в плен кочевниками, чьи княжеские могилы обнаружены в Тагискене, приняли участие в возведении этих сооружений. В этой связи нельзя не вспомнить сохранившееся у Ктесия легендарное сообщение о сако-мидийской войне из-за Парфии, в ходе которой саками были захвачены пленные, поселенные на р. Танаис (Сыр-Дарья).

Так на имеющихся материалах могут быть прослежены пути сложения древнесреднеазиатской цивилизации. Как мы стремились показать, при этом определяющую роль играли ирано-месопотамские и сибиро-казахстанские связи и контакты. В рассматриваемую эпоху индийские и китайские связи были незначительны и большой роли не играли (возможные связи с соанской традицией палеолита и неолита Таджикистана, связи чувстской культуры с Восточным Туркестаном).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1957

В. М. МАССОН

ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

В результате систематических исследований советских археологов все более раскрывается богатое прошлое народов Средней Азии. Блестящие цивилизации Парфии и Кушанского государства, самобытная культура древнего Хорезма, высокоразвитое искусство раннесредневекового Согда, открытые в результате этих исследований, по-новому освещают историю народов Средней Азии. Между тем культурные традиции многих из этих выдающихся раннегосударственных образований восходят к древним археологическим культурам, существовавшим на территории Средней Азии в пору энеолита и бронзового века. Многие исследователи обращали внимание на важную роль, которую играли племена, населявшие в эту пору территорию Средней Азии. Э. Херцфельд писал о существовании самобытного центра «культуры расписной керамики» на территории Среднеазиатского Междуречья¹. На большое значение Средней Азии как центра древних историко-культурных и этнических связей неоднократно указывал С. П. Толстов².

В настоящее время можно считать установленным, что в пору энеолита и бронзового века Средняя Азия разделялась на две большие культурно-исторические области. На крайнем юге, в узкой полосе оазисов вдоль северных предгорий Копет-дага располагались оседлые общины земледельцев-скотоводов, сложившиеся здесь, по-видимому, уже в V тысячелетии до н. э. Это была одна из областей обширного пояса древнеземледельческих общин, примыкающего к городским цивилизациям древнего Востока и протянувшегося от Балканского полуострова до Инда. Вторую область, включающую среднюю и северную часть Средней Азии, или большую часть страны, занимали племена охотников-рыболовов, часть которых со временем не без влияния своих южных соседей стала переходить к скотоводству и земледелию.

Эти особенности исторического развития страны определяют большое значение изучения энеолита и бронзового века Средней Азии. С одной стороны, это изучение тесно связано с проблемой возникновения и развития древнейших земледельческих культур Европы и Азии, с другой — среднеазиатский материал позволяет исследовать связи этих древнейших культур и ближневосточных цивилизаций с многочисленными племенами Казахстана, Поволжья, а возможно, и более северных областей.

В настоящее время происходит интенсивный процесс накопления фактов, и нет необходимости в данной статье перечислять все эти факты и наблюдения. Задачей настоящей статьи является освещение некоторых основных проблем, с которыми на данном этапе связано изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.

Особенно широкий размах археологических работ на территории среднеазиатских республик имеет место в последние десятилетия. До 1917 г. единственным более или менее значительным вкладом в этой области

¹ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 96.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 64—66; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 71.

были раскопки американской экспедиции в Анау¹, издавшей два тома своих работ. Издание, как и сами раскопки, имело ряд недостатков, справедливо подвергнутых критике в советской литературе, и в настоящее время устарело. Тем не менее вплоть до последнего времени оно сохраняло значение основного источника по древнеземледельческой культуре Южного Туркменистана. Разведочные работы 20-х и 30-х годов XX в. показали, что памятники типа Анау широко распространены в прикопетадгской полосе². Проведенные в предвоенные годы работы Хорезмской экспедиции позволили предложить первую для Средней Азии классификацию культур эпохи первобытно-общинного строя³. С этого же времени стал появляться материал, свидетельствующий о распространении памятников типа степной бронзы в Киргизии и Ташкентской области⁴.

Из многочисленных работ, проведенных в годы после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., особенно большое значение имеют систематические раскопки памятников «расписной керамики» в Южном Туркменистане⁵.

В этот же период были открыты памятники эпохи бронзы в Фергане и низовьях Зеравшана⁶. Новый ценный материал был получен при продолжении исследований в Хорезме⁷.

Все эти работы дали огромное количество нового материала, и сейчас территория Средней Азии эпохи энеолита и бронзового века уже не представляется больше «белым пятном», на крайнем юго-западе которого затеряны два небольшие поселения у аула Анау, как она выглядела еще два десятилетия тому назад. В результате работ советских археологов история древних племен Средней Азии все более наполняется конкретным содержанием.

Первым и главным вопросом, возникающим при изучении многочисленного и разнообразного археологического материала, является пробле-

¹ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, тт. I—II, Washington, 1908.

² Д. Д. Букин и ч. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-депе. Туркменоведение, 1929, № 5; А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1. М.—Ашхабад, 1939.

³ С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3; его же. Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1; его же. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1; его же. Древний Хорезм. КСИИМК, вып. XIII, 1946.

⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 12—20; Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955.

⁵ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953; Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4; Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТуркмССР, 1954, № 1; его же. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956; В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1; его же. Древнеземледельческие племена Южной Туркмении и их связи с Индией и Ираном, ВДИ, 1957, № 1.

⁶ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956; Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1956; А. П. Окладников. Исследование памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г. Тр. АН ТаджССР, вып. XXXVII, Сталинабад, 1956; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Қайрак-кумах в 1955 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Сталинабад, 1956; М. Э. Воронцов. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1954; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3; его же. Изучение Чустского поселения в 1954 г. КСИИМК, вып. 69, 1957; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, вып. XXVI, 1956.

⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6.

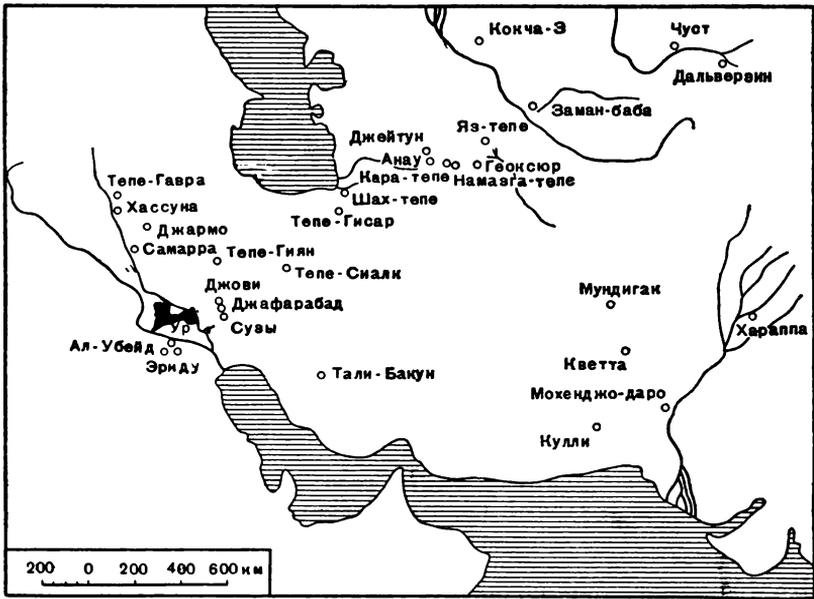

Рис. 1. Памятники Средней Азии и сопредельных стран эпохи энеолита и бронзового века

ма классификации и тесно связанная с ней проблема относительной и абсолютной хронологии. Наиболее подробно эти вопросы разработаны для территории Южного Туркменистана, где раскопки ряда объектов позволили наметить несколько стратиграфических колонок (Анау, Намазга-тепе, Кара-тепе, Яз-тепе, Ак-тепе). Однако выделение отдельных комплексов часто было основано лишь на изменении в керамическом материале (Анау I—IV, Намазга-тепе I—VI, Яз-тепе I—III), что в значительной мере допускало элемент субъективности. Более удачной следует признать систему стратиграфии, основанную на смене строительных комплексов¹.

Сопоставление с Ближним Востоком через посредство иранских комплексов придает южнотуркменистанским памятникам руководящее значение в абсолютной хронологии Средней Азии рассматриваемого времени.

Древнейшей земледельческой культурой Южного Туркменистана является джейтунская культура. В одном из поселений этой культуры (Чопан-тепе) в верхних слоях в росписи посуды появляется мотив рядов треугольников², превосходящий в известной мере роспись керамики нижних слоев северного холма Анау (Анау I А и Б). Абсолютная хронология джейтунской культуры не вполне ясна. По характеру расписной керамики Джейтун и Чопан-тепе, вероятно, древнее, чем самые ранние слои тепе Сиалк (Сиалк I) в Западном Иране. Найденная в верхнем слое Чопан-тепе костяная основа для вкладышевого серпа весьма близка подобным изделиям из слоя Сиалк I. Этот слой характеризуется также глинобитными постройками; лишь в слое Сиалк II появляется в большом количестве сырцовый кирпич. В Джейтуне и Чопан-тепе при строительстве домов употреблялись глиняные «цилиндры» — примитивные кирпичи, хотя в верхнем слое Джейтуна были также и глинобитные строения. По уровню развития джейтунскую культуру можно сопоставить с неолитическим поселением Джармо³ и частично с нижними слоями Хассуны в Ираке⁴. В Джармо строения были глинобитные, но в Хассуне, начиная уже со

¹ Эта система, например, успешно применена в Тепе-Гавра. Верхний строительный комплекс получает № 1, второй сверху — № 2 и т. д. по мере углубления раскопа.

² С. А. Ершов. Холм Чопан-тепе. ТИИАЭ, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 18, рис. 5.

³ R. Braidwood. Near East and Foundations for Civilisation. Oregon, 1952.

⁴ S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna, JNES, 1945, т. IV, 4.

слоя I в., употреблялся сырцовый кирпич. В свете таких сопоставлений джейтунскую культуру следует относить к V тысячелетию до н. э. (см. рис. 2).

Расписная керамика древнейших слоев энеолитического комплекса Анау I — Намазга I находит ряд аналогий в посуде Сиалка I и частично Сиалка II. Весьма значительные сопоставления можно сделать также с керамикой Хассуны — древнейшей земледельческой культуры Северной Месопотамии. В Хассуне наряду с керамикой, покрытой коричневой росписью по светлому фону, была распространена также керамика с нацарапанным орнаментом. В керамике обоих типов широко распространены ряды треугольников и другие мотивы, столь характерные для посуды Анау I — Намазга I¹. Однако пока трудно сказать, в какой мере эти сопоставления могут иметь хронологическое значение, поскольку территориально между районами распространения Хассуны и Намазга I лежит район Сиалка — Чешме-Али.

Большое значение для вопросов абсолютной хронологии имеют западные связи и аналогии южнотуркменистанского комплекса Намазга III. Этот комплекс находит себе вполне четкие аналогии в Хисаре I В — II А (Северный Иран) и Сиалке III². На тепе Сиалк слои Сиалк III непосредственно перекрываются весьма характерным комплексом Сиалк IV, где в очень сильной степени проявляются эламские и частично месопотамские элементы. Видимо, был прав Г. Чайлд, видевший в поселении Сиалк IV возникшую на руинах Сиалка III своеобразную факторию — форпост эламитян в их продвижении в Центральный Иран³. В западной литературе распространена точка зрения Д. Маккауна о синхронизации Сиалка IV с периодом Джемдет-Наср или (по новой терминологии) с поздними фазами протописьменного периода. Но уже Г. Чайлд, на наш взгляд, вполне справедливо отмечал аналогии Сиалку IV в материалах раннединастического периода⁴.

Однако Намазга III не представляет собой ту же самую культуру, что и Сиалк III. Этот южнотуркменистанский комплекс характеризуется, в первую очередь, дальнейшим развитием древних местных элементов, к которым присоединены отдельные мотивы в росписи посуды, привнесенные из Центрального Ирана (Сиалк — Гиссар). В других частях Ирана, и в частности в тепе Гиссаре, продолжалось развитие местной культуры. В тепе Гиссаре нет комплекса, аналогичного Сиалку IV. Культура слоя Гиссар II В в значительной мере продолжает старые традиции. В Южный Туркменистан «сиалковские» элементы проникли уже после того, как они появились в Гиссаре. Поэтому нам представляется, что едва ли следует датировать начало периода Намазга III временем более ранним, чем конец IV тысячелетия до н. э. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что найденные в комплексе Намазга III изображения людей крайне близки подобным изображениям на керамике раннединастического времени (так называемой scarlet-ware)⁵.

Интересные соответствия начинают намечаться между археологическими комплексами Южного Туркменистана и кельтеминарской культурой Хорезма. А. В. Виноградов успешно развил выдвинутое в свое время С. П. Толстовым положение о южных влияниях на кельтеминарскую керамику⁶.

¹ Сводку материала по древнейшим земледельческим поселениям см. R. Braidwood, L. Braidwood. Earliest Village Communities of Southwestern Asia. Journal of World History, 1953, № 1.

² В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, стр. 315—320.

³ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новейших раскопок. М., 1956, стр. 295.

⁴ Там же.

⁵ P. Delougat. Pottery from the Diyala Region. Chicago, 1952, стр. 57, 12.

⁶ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1. Материалы раскопок 1955—1956 гг. позволяют увеличить число приве-

Приведенный А. В. Виноградовым материал, с нашей точки зрения, вполне убедительно показывает влияние гончарного производства юга на формы и орнаментацию посуды раннего Кельтеминара.

Подобные сопоставления позволяют отодвигать нижнюю границу кельтеминарской культуры до последней трети или, возможно, даже второй половины IV тысячелетия до н. э. (в противовес появившейся в последнее время в литературе тенденции датировать эту культуру более ранним временем).

Менее ясны южные связи комплекса Намазга IV. В этот период сложный геометрический орнамент расписной керамики Южного Туркменистана достигает своего наивысшего развития. В тепе Гиссаре комплексу Намазга IV соответствуют слои с серой нерасписной посудой. Серая керамика была распространена и в прикопетдагских оазисах, причем на западе (Ак-тепе) в большем количестве, чем на востоке (Намазга-тепе). Это явление надо связывать с влиянием иранских комплексов и, в частности, культуры астрабадского бронзового века (Шах-тепе, Тюренг-тепе), область распространения которой достигала западных отрогов Копет-дага¹.

Синхронизация комплекса Намазга-тепе V и Гиссара III (собственно Гиссара III B) не может вызывать особых сомнений.

Гиссар III C, видимо, следует частично синхронизировать с ранними этапами комплекса Намазга VI. На это указывает, например, распространение в соответствующих слоях крупных биконических каменных бус, часто имеющих орнамент в виде высверленных кружков. Аналогичные бусы, в частности, широко распространены в послехарапповской культуре Джхукара (Индия)². Находят параллели в материалах Джхукары и поздней Хараппы и некоторые формы ваз и печатей южнотуркменистанских комплексов Намазга-тепе V и VI.

Абсолютная датировка комплекса Гиссар III пока еще является предметом значительных дискуссий³. Д. Маккауэн решительно выступает за датировку Гиссара III временем около XXIII в. до н. э. Нам кажется, что более приемлемой является предлагавшаяся рядом исследователей дата Гиссара III — начало II тысячелетия до н. э. Недавно при раскопках поселения Мундигак в Южном Афганистане был применен карбоновый анализ⁴, датировавший пятый слой его временем 2625 г. до н. э. (± 300 лет). Некоторые сосуды из восьмого и девятого слоев Мундигака находят себе прямые аналогии в сосудах Гиссара I A — B, а печатка из второго слоя весьма близка печатям Гиссара III и Намазга V. Эти результаты также не позволяют отодвигать дату Гиссара III значительно вглубь.

Вопрос о дате Гиссара III имеет большое значение и потому, что в настоящее время с этим комплексом можно синхронизировать недавно открытую в низовьях р. Зеравшан (Узбекская ССР) своеобразную культуру⁵, которую по имени могильника у с. Заман-баба можно назвать заман-бабинской. Наряду с посудой ручной лепки местного изготовления здесь найдена нижняя часть привозного сосуда, несомненно относящегося ко времени позднего Намазга IV. Целый ряд других аналогий указывает на синхронизацию с Гиссаром III, Намазга V и, возможно, с более ран-

денных А. В. Виноградовым сопоставлений. Форма шаровидного сосуда распространена в поздних слоях Намазга II а также в слоях Кара-тепе 2 и Кара-тепе 3. В расписных вариантах она более характерна для Намазга III. См. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, табл. XXIV, 12; XXV, 4; XXVII, 1.

¹ А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-дага. ИАН ТуркмССР, 1953, № 5; В. М. Массон. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ИАН ТуркмССР, 1954, № 2.

² См., например, R. P u m p e l l y. Ук. соч., т. I, стр. 161, рис. 320.

³ E. S c h m i d. Excavation at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. LXX, Н. 2789; N. C. M a j u m d a r. Explorations in Sind. Memoirs of the archaeological survey of India, № 48. Delhi 1934, табл. XXXIII; В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 325—326, 433—434.

⁴ J. U. C a s a l. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. Arts asiatiques, 1955, т. I, вып. 3, стр. 164.

⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 149—161.

Южный Туркменистан				Хорезм	Низовья Зеравшана	Фергана
Анау	Намазгата	Кара-тепе	Яз-тепе			
IV			III	Кюлепетыр		Силатам
IV A			II	Имирабад		
			I			
1000				Тазабазыб	Андрон	Чуст
	VII					
2000	III	V			Заманбаба	
		IV				
		III				
3000				Кельтеминар		
	II	II				
	IB	I				
	IA					
	Джейтун					

Рис. 2. Синхронистическая таблица

ними этапами Намазга. Эти аналогии позволяют датировать ранний Заман-бабинский могильник концом III — первой третью II тысячелетия до н. э.

В трех случаях в слоях времени Намазга VI найдена характерная орнаментированная керамика ручной лепки, весьма близкая андроновской посуде¹.

По данным, приведенным в издании Р. Пампелли, эта керамика на южном холме Анау была найдена в нижних слоях комплекса Намазга VI. Как показывает сходство металлических изделий (наконечники стрел, нашивные бляшки), поздние этапы андроновской культуры следуют, видимо, синхронизировать с комплексом Яз-тепе I.

Менее определено с южнотуркменистанской шкалой увязываются памятники чустской культуры в Фергане. Керамика чустской культуры имеет на первый взгляд весьма архаический вид; она покрыта черной росписью по красному фону, что напоминает по цветовой гамме посуду Анау I — Намазга I. Однако сходство с ранней энеолитической керамикой лишь внешнее. Чустские материалы дают значительное число бронзовых орудий и литейных форм. Такая развитая металлургия противоречит ранней датировке Чуста. Обнаруженный в Чусте бронзовый наконечник крупной стрелы наиболее близкую аналогию находит в смешанных слоях южного холма Анау, где встречалась керамика Анау IV и Намазга VI. В обоих случаях датировка этого наконечника должна быть весьма поздней. В Гиссаре III наконечники стрел в большом количестве изготовлялись еще из кремня. В связи с поздней датировкой Чуста можно отметить, что отдельные формы (небольшие горшковидные сосуды) и мотивы росписи (треугольник, заполненный сеткой) чустской посуды могут быть сопоставлены с керамикой комплекса Яз-тепе I.

Таковы намечающиеся связи и сопоставления археологических комплексов Средней Азии рассматриваемого времени. Результаты этих сопоставлений обобщены в прилагаемой выше таблице (см. рис. 2). Большое внимание, уделяемое этим вопросам, вполне закономерно для данного этапа изучения материала. Однако детальное сопоставление стратиграфических колонок не должно заслонять изучение истории и культуры древних

¹ R. Pampelly. Ук. соч., т. I, табл. 15, 7, 9; А. Ф. Ганялин. Теккем-депе. ТИИАЭ, т. II, стр. 85, рис. 9; В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, рис. 31.

племен. Подробная разработка вопросов относительной хронологии представляет собой первый опорный пункт этого изучения. Между тем вполне реально опасность забвения этого обстоятельства в пользу сравнительного исследования различных стилей расписной керамики и уточненных стратиграфических сопоставлений.

Это можно видеть частично на примере Месопотамии и в большей мере на примерах, приведенных в некоторых статьях по археологии Северо-Западной Индии¹.

Одним из важнейших вопросов изучения истории древних племен Средней Азии является вопрос о характере общественного строя. Данные для решения этого вопроса немногочисленны прежде всего в силу недостаточного размаха работ. Раскопанные участки древних поселений еще сравнительно невелики по отношению к площадям поселений в целом. Имеется точка зрения, что среди древнеземледельческих племен Ближнего Востока на ранних этапах развития был распространен матриархальный строй. Однако вполне вероятно, что развитие земледелия, связанного с искусственным орошением, очень рано привело к развитию патриархальных отношений². Население Южного Туркменистана в пору Намазга II, III и V жило в многокомнатных домах, разделенных узкими улочками. Несколько комнат (около 10) обычно группировались вокруг небольшого двора. Пока еще ни об одном подобном доме нельзя с уверенностью сказать, что он раскопан целиком. Поскольку такой дом имел одну общую кухню, можно предполагать, что он служил жилищем большой патриархальной семьи. Подобный тип жилища сложился на Древнем Востоке очень рано. Уже в четвертом слое Хассуны расчищены остатки двух многокомнатных домов, где помещения группируются вокруг двориков³. Возможно, что такое сохранение архитектурных традиций является выражением стойкости патриархального уклада на Востоке, почти неизменно сохранявшегося на протяжении тысячелетий. Все это, однако, в значительной мере остается в области предположений, и надо прямо сказать, что методы изучения древних жилищ Средней Азии как хозяйственно-общественных комплексов еще в СССР почти не разработаны.

Более определенно можно говорить о процессе разложения первобытно-общинного строя. Из 72 погребений времени Намазга II и III, обнаруженных на Кара-тепе, лишь одно условно может быть названо богатым. В нем найдено 800 бус и не встречено никакого другого инвентаря. То же явление характерно и для большинства погребений теппе Гиссара времени Гиссар I и Гиссар II. О росте имущественной и, видимо, социальной дифференциации говорит распространение во II тысячелетии до н. э. богатых захоронений. Резко выделяющиеся по богатству сопровождающего инвентаря погребения мы находим в Гиссаре III, где в отдельных могилах встречается множество медных, серебряных и золотых изделий. О накоплении богатств свидетельствует и находка тюринг-тепинского клада в Северо-Восточном Иране. Для Южного Туркменистана можно отметить богатое погребение времени раннего Намазга VI с Аучин-тепе в дельте Мургаба.

Однако степень разложения первобытно-общинного строя в Южном Туркменистане во II тысячелетии до н. э. вызывает различные истолкования. А. В. Арциховский выдвинул предположение о существовании здесь

¹ W. A. Fairervis. Preliminary Report on the Prehistoric Archeology of the Afghan-Baluchi Areas. American Museum Novitates, 1952, № 1587; D. H. Gordon. The Pottery. Industries of the Indo-Iranien Bordery; A Re-statement and Tentative Chronology. Ancient India, 1954—1956. № 10—11. (Каждый автор предлагает свою классификацию и свою терминологию. В результате калейдоскоп керамических стилей (ware) заслоняет реальную историю древнеземледельческих племен Белуджистана).

² Б. А. К у ф т и н. Работы ЮТАКЭ..., стр. 28; В. М. М а с с о н. Древнеземледельческие племена Южной Туркмении..., стр. 61.

³ JNES, 1945, 4, стр. 274—275, рис. 31, 36.

в это время классового общества¹. К этой точке зрения примыкает А. А. Марущенко². Другие исследователи выступили с возражениями против подобного утверждения³.

Как можно видеть из существующих публикаций, главным аргументом А. А. Марущенко в пользу наличия классового общества является высокий уровень развития производительных сил и в первую очередь гончарного производства, где применялся гончарный круг и специальные обжигательные печи. Действительно, гончарный круг появляется в Южном Туркменистане много раньше, чем где-либо на территории СССР, хотя и на 1000 лет позднее, чем в Иране (Гиссар I В; Сиалк III). Но гончарное производство, на наш взгляд, не играло решающей роли в развитии производительных сил. Оно отражало общий уровень развития техники и производства, но в рассматриваемое время основой хозяйства оседлых общин Южного Туркменистана было земледелие, тесно связанное с искусственным орошением. Однако в этот период в ирригационном хозяйстве едва ли произошли какие-либо коренные изменения. Сами природные условия подгорной полосы, где протекали лишь небольшие речки и ручьи, исключали возможность создания крупных и сложных ирригационных систем. Эти изменения мы наблюдаем лишь со второй половины II тысячелетия до н. э., когда осваиваются новые территории — дельта Мургаба и Мисрианская равнина, где и создаются в начале I тысячелетия до н. э. системы крупных каналов. Характерно, что именно в начале I тысячелетия до н. э. на поселениях выделяются цитадели, противостоящие основному массиву жилых домов (Яз-тепе). Ничего подобного не наблюдалось в пору Намазга V на таком крупнейшем памятнике подгорной полосы, как Намазга-тепе. Нельзя отрицать далеко зашедшее разложение первобытно-общинного строя в Южном Туркменистане во II тысячелетии до н. э.; но как мне кажется, преждевременно утверждать существование здесь в эту пору раннерабовладельческих государств. Изучение материала Месопотамии, где основой производительных сил, как и в Южном Туркменистане, было ирригационное земледелие, показывает, что разложение первобытно-общинного строя и становление классового общества в той мере, в какой это отражается в археологических памятниках, было сложным и длительным процессом. Введение гончарного круга в Шумере (Варка или ранний Урук) отделено более чем тысячелетием от царских гробниц Ура, свидетельствующих об установлении царской власти.

Необходимо также остановиться на вопросе о том, какое историческое значение могут иметь отмечавшиеся выше связи и аналогии между различными культурами и археологическими комплексами. В большинстве случаев эти аналогии, вероятно, отражают древние культурные связи и направление связей обмена и торговли. В других случаях как будто есть основания полагать, что за ними скрыты и более сложные явления. Вопросы эти слабо разработаны в среднеазиатской археологии, и в качестве примера мы остановимся лишь на вопросе о происхождении комплекса Намазга III и его связей с так называемой культурой Гиссара⁴.

Можно считать установленным, что в IV тысячелетии до н. э. целый ряд весьма характерных мотивов в росписи на посуде (козлы, птицы и пятнистые животные — барсы) распространяется из района Сиалка в район Гисфа и далее в прикопетдагскую полосу. Интересные изменения происходят и в ориентации захоронений. Именно с этапа Гиссар I В, когда в росписи посуды появляются изображения козлов и птиц, и в большей

¹ А. В. Арциховский. Рец. на книгу С. П. Толстова «Древний Хорезм». Советская книга, 1949, № 3, стр. 75—76.

² А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук ТуркмССР. ТИИАЭ, т. II, стр. 8—9.

³ В. М. Массон. Туркменистан в эпоху первобытно-общинного строя. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, стр. 246—248.

⁴ Терминология Д. Маккауна, объединяющего под этим названием слои Сиалк III, Чешме-Али I В и Гиссар. Сюда, разумеется, следует добавить также Гиссар II А.

мере в этапы Гиссар I С и II А, когда широко распространяются изображения барсов, старая юго-западная ориентация в захоронениях все более меняется на новую, северо-западную. В какой-то мере изменение ориентации захоронений, видимо, происходит и на Кара-тепе, но здесь это могло

	юз	сз	юв	св
Гиссар I А	18	9	1	—
Гиссар I В	6	5	—	—
Гиссар I С	39	31	5	1
Гиссар II А	21	32	6	7

проявиться в меньшей степени, чем на тепе Гиссаре, в соответствии с меньшими западными влияниями и в росписи посуды.

	юз	сз	юв	св
Кара-тепе 5	1	—	—	—
Кара-тепе 2	34	1	—	—
Кара-тепе I Б	22	1	—	—
Кара-тепе I А	1	—	—	2

Отмечаемые изменения следует, вероятно, связывать не просто с культурными влияниями, исходящими из Сиалка, но с каким-то этническим продвижением. Возможно, одной из причин этого движения явилось вытеснение или ассимиляция эламитянами местной культуры в районе Сиалка. Важные данные для исследования этого вопроса должно дать изучение антропологического материала.

Вместе с тем это предполагаемое продвижение населения не привело к смене культур или к резкому перерыву культурных традиций. Так, почти все формы сосудов Гиссара I В и С повторяют старые формы этапа I А. Возникающие изменения могут быть отнесены за счет определенной геометризации под влиянием введения гончарного круга. Во многом сохраняется и обряд погребения. Старый обычай погребать покойников с бусами (обычно гипсовыми) то в виде ожерелья на шее, то в виде браслетов на руках и ногах, то в виде своеобразных диадем неизменно сохраняется на протяжении всех этапов Гиссара I вплоть до этапа Гиссар II В. В пору Гиссар II В браслеты из бус на руках и ногах стали заменяться медными браслетами. На протяжении этих этапов покойников клали в скорченном или согнутом положении, в основном на правом боку.

Еще в большей степени заметно сохранение старых традиций на керамике Кара-тепе. Формы посуды здесь отличны от керамики гиссарской культуры и продолжают в основном старые местные традиции. Например, в тепе Гиссаре и тепе-Сиалке барсы изображались на вазах, а в Кара-тепе — на полусферических чашах. (Форма вазы вообще редко встречается на Кара-тепе).

Однако сохранение традиций не может снять тезиса о возможном этническом продвижении, как бы ни был неясен характер этого продвижения. Устойчивое сохранение культурных традиций вообще характерно для оседлых земледельческих культур и может быть отмечено и для периодов, когда этнические передвижения вполне определенно отмечаются письменными источниками. Не находится ли в связи с этим продвижением сиалковских элементов появление южнотуркменистанских влияний в керамике Кельтеминара и характерных гиссарских форм в посуде Мундигака? Надо надеяться, что дальнейшие археологические исследования позволят более обоснованно осветить эти вопросы.

Весьма интересным является вопрос о происхождении чустской культуры. В известном смысле она является как бы стадиальным повторением того этапа, который Южный Туркменистан прошел в V—IV тысячелетии до н. э. В этом отношении весьма показательным, что в 1956 г. Ю. А. Заднепровским на Дальверзинском поселении были обнаружены сырцовые

кирпичи, еще не имеющие определенного стандарта и формата, что можно сопоставлять с постройками верхнего слоя Чопан-тепе. Позднее в Иране и Южном Туркменистане вырабатывается устойчивый формат сырцового кирпича. Во II тысячелетии до н. э. в Южном Туркменистане вообще отсутствует расписная керамика (Намазга V и VI). Поэтому нет оснований считать, что чустская культура является результатом прямого переселения южнотуркменистанских общин. Возможно, сношения с этими культурами сыграли определенную роль в сложении чустской культуры (о юго-западных связях Ферганы свидетельствует, в частности, находка клада в селении Хак¹), но в целом она, надо полагать, является результатом перехода к земледелию местных, ферганских племен, если только дальнейшие исследования не установят ее восточное, а именно китайское происхождение².

Как отмечалось выше, работами последних лет было установлено широкое распространение в Средней Азии памятников степной бронзы, по общему облику весьма близких памятникам андроновской культуры Южной Сибири и Казахстана. Л. Р. Кызласовым был поставлен вопрос об андроновском характере некоторых статуэток, происходящих с городища Афрасиаб³. Общее наименование всех этих памятников андроновскими едва ли является удачным. Типологическая близость памятников еще не означает их тождества и, несомненно, последующие работы позволят конкретно наметить на территории Средней Азии несколько племенных групп, облик материальной культуры которых близок андроновской культуре. В настоящее время вполне определенно выделяется лишь хорезмская группа племен, культура которых была названа С. П. Толстовым «тазабагьябской»⁴. Поставлен вопрос о выделении ферганской группы племен, но введение для них особого термина «кайрак-кумская культура», как это предлагает Б. А. Литвинский⁵, представляется еще преждевременным. Различия этих племенных групп и их отличия от племен, проживавших на территории Казахстана, во многом были связаны с различиями в хозяйстве. В частности, тазабагьябские племена уже знали начальные этапы искусственного орошения полей, что не характерно для степных пространств Казахстана.

Пока еще нельзя с уверенностью сказать, в какой мере распространение этих племен на территории Средней Азии можно считать результатом проникновения с севера каких-то новых этнических групп. Убедительных данных для прослеживания генезиса племен степной бронзы на основе кельтеминарской или тем более заман-бабинской культуры пока нет. Если признавать древнее местное развитие чустской культуры, то для территории Ферганы племена, оставившие кайрак-кумские поселения и Вуадильский могильник, следует признать пришлым элементом. Иначе было бы трудно объяснить, почему в сходных условиях развились две столь непохожие друг на друга по внешнему облику культуры⁶.

¹ ОАК, 1894, стр. 46. Клад состоял из одной серебряной и двух медных булавок, двух обломков медных орудий и сплющенного медного орудия. Одна из булавок имеет двуспиральную головку, а на навершии другой изображено доение коровы. Последняя, собственно, не является булавкой, а принадлежит к числу тех предметов, которые в могилах Гисар III В и III С входили в состав погребального инвентаря и были названы жезлами. Подобные предметы распространены от Белуджистана до Мегиддо. Клад датируется первой третью II тысячелетия до н. э.

² Ряд мотивов росписи посуды Чуста находит аналогии в керамике Машань (Кансу). G. D. Wu. Prehistoric Pottery in China. London, 1938, табл. XLV, 21, табл. XLI, 28.

³ Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. КСИИМК, вып. 63, 1956.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 66—68; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции...

⁵ В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции..., стр. 14.

⁶ В настоящее время находки Б. А. Литвинского и Б. З. Гамбурга показывают одновременность существования в Фергане определенных этапов (поздних?) чустской культуры и памятников степной бронзы.

В заключение можно остановиться еще на одном вопросе, почти не разработанном в среднеазиатской археологической литературе. Мы имеем в виду вопрос о происхождении и расселении индоиранских племен. Эта сложнейшая проблема, несомненно, требует привлечения самых разнообразных источников, и в первую очередь лингвистических; но необходимость участия в ее изучении и археологов становится все более очевидной. В середине II тысячелетия до н. э. индоиранские (собственно индийские) термины и имена божеств появляются в миттанийских текстах. С этим же временем связано распространение в северо-западной Индии арлийских племен, с чем целый ряд исследователей связывает упадок древней цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро¹. Позднее, в начале I тысячелетия до н. э., начинается продвижение в Иран ираноязычных племен — мидян и персов, причем обстоятельное исследование, проведенное И. М. Дьяконовым, ясно показывает, что в IX—VII вв. до н. э. иранские племена появляются в большом числе в Восточной Мидии, а затем как бы продвигаются с востока на запад². Понятно, что Средняя Азия не могла остаться в стороне от этих событий, и, поскольку здесь в середине I тысячелетия до н. э. почти все население было ираноязычным, есть основания, считать, что эти языки были распространены и значительно раньше.

В свете этих данных для истории Средней Азии, во всяком случае ее южных областей, можно предположить два возможных варианта. Во-первых, эти районы, как и более южные страны, могли явиться лишь промежуточной территорией для двигавшихся с севера индоиранских племен. Во-вторых, области Южной Средней Азии и Северо-Восточного Ирана могли быть местом обитания этих племен с весьма раннего времени. Попыткой конкретизировать на имеющемся материале первую из этих возможностей является отождествление с древними индоиранскими племенами носителей андроновской культуры³. По существу подобное отождествление является дальнейшей конкретизацией широко распространенного в западной литературе мнения о скотоводческих племенах Причерноморья и Прикаспия как о древнейших индоевропейцах⁴. Однако следует сказать, что эта точка зрения археологически пока еще ничем не может быть подтверждена, кроме общих соображений о продвижении племен с севера на юг, и хронологически пока не увязывается с датой появления арийских племен в Индии. Поэтому в равной мере заслуживает внимания и второе предположение о том, что индоиранские племена являлись обитателями Хорасана с весьма раннего времени, во всяком случае со времени бытования южнотуркменистанских комплексов Намазга V и VI. Решающее значение для этих вопросов будут иметь дальнейшие изыскания в области установления сплошной стратиграфии в археологии Индии и Афганистана. Вполне вероятно, что отмечавшиеся выше аналогии между комплексом Намазга VI и послехарапповской культурой Джхукара в этой связи приобретут особое значение.

¹ R. M. Wheeler. Iran and India in Pre-Islamic Times. *Ancient India*, № 4, 1947—1948, стр. 92; S. Pigott. *Prehistoric India to 1000 B. C.* London, 1952, стр. 226; В. С. Воробьев-Десятовский. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков. СВ, 1956, № 1.

² И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 151 и др.

³ А. Н. Бернштам. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Тезисы докладов и содокладов на сессии об этногенезе киргизского народа. Фрунзе, 1956, стр. 4; см. также С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 68.

⁴ V. G. Child. *Aryans*. London, 1926; S. Pigott. Ук. соч., стр. 248.